

18+

Нестерова
Анна

МОЙ СУРОВЫЙ ФЕВРАЛЬ

Меня прошлого

Алла Нестерова

Мой суровый февраль
2. Тень прошлого

«Автор»

2026

Нестерова А.

Мой суровый февраль 2. Тень прошлого / А. Нестерова —
«Автор», 2026

Вера стояла в дверях в пижаме, сонно потирая глаза. Затем увидела Максима.— Папа! — она с радостью подбежала к нему.— Здравствуй, милая. — Максим подхватил её на руки. — Поедешь со мной?— Поеду, а куда? Соня тоже поедет?— Нет, Соня останется с мамой. А ты пока поживёшь со мной и с...Катя сделала шаг к ней:— Верочка, милая, ты меня не помнишь? Я твоя родная мама.Вера испуганно посмотрела на неё:— Нет! Моя мама вот! — она показала на меня.— Нет, солнышко, — Катя подошла ближе. — Твоя мама — это я. Я тебя родила. А Лена... тётя Лена просто присматривала за тобой, пока меня не было.Услышав слова Кати, Вера начала изворачиваться на руках Максима, громко рыдая при этом. Боясь уронить ребёнка, он поставил её на пол. Вера подбежала ко мне, слёзы из её глаз текли, не переставая, она прижималась ко мне, всхлипывая, её маленькое тельце дрожало от страха.— Мамочка! — с надрывом говорила она. — Не отдавай меня этой тёте. Мамочка, любимая, прошу тебя! Я не хочу с ней.

© Нестерова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	21
ГЛАВА 7	25
ГЛАВА 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алла Нестерова

Мой суровый февраль 2. Тень прошлого

ГЛАВА 1

Два года спустя после того страшного февраля. Я стою на балконе нашей новой квартиры – мы переехали полгода назад, когда Максим получил повышение в агентстве. Теперь он заместитель мамы по развитию бизнеса, зарабатывает более чем достаточно, и мы смогли позволить себе четырёхкомнатную квартиру в хорошем районе.

Апрель. Весна пришла рано в этом году. Солнце греет по-настоящему, и я подставляю лицо его лучам, закрыв глаза.

– Мама, смотри, что я нарисовала! – Вера врывается на балкон с листом бумаги в руках.

Я открываю глаза, беру рисунок. На нём наша семья – папа, мама, Соня и она сама. Все держатся за руки и улыбаются. Над головами – солнышко и радуга.

– Красиво, солнышко, – я глажу её по голове, и она прижимается ко мне.

Четыре года ей уже. Пошла в среднюю группу детского сада. Называет меня мамой с прошлого лета – сама начала, я не настаивала. Первый раз, когда она сказала «мама», обращаясь ко мне, я заплакала. Тихо, чтобы она не видела.

Катя больше не звонит. Последний раз мы говорили полгода назад, после того как она родила сына. Голос её был усталым, отстранённым:

«Лена, у меня родился мальчик. Ганс счастлив. Мы назвали его Штефаном».

«Поздравляю», – сказала я тогда.

«Как Верочка?»

«Хорошо. Растёт».

Долгая пауза.

«Лена, я больше не буду звонить. Ганс против, слишком дорого обходятся звонки. Он, как и все немцы, прижимист. И мне... мне слишком больно. Каждый раз, когда я слышу твой голос, я вспоминаю её. А я хочу забыть. Начать новую жизнь».

«Понимаю».

«Спасибо тебе. За всё. Прости меня».

На этом она повесила трубку. Больше мы не разговаривали.

Вера не спрашивает о маме. Первое время спрашивала, плакала ночами. Но дети удивительно адаптивны. Постепенно воспоминания стёрлись, боль притупилась. Теперь я для неё – мама. Единственная.

Соня учится в первом классе. Высокая для своего возраста, вся в Максима – те же серые глаза, та же улыбка. Она обожает Веру, защищает её, учит читать.

– Лен, ты где? – голос Максима из квартиры.

– На балконе!

Он выходит ко мне, обнимает сзади. От него пахнет дорогим парфюмом. В костюме он выглядит солидно, представительно. Уже не тот взъерошенный актёр, которого я встретила под дождём почти десять лет назад.

– Как день прошёл? – спрашивает он, целуя меня в шею.

Я поворачиваюсь к нему, обнимаю за шею.

– Нормально. Репетировали с учениками, готовились к весеннему концерту. А у тебя?

– Закрыли сделку на пятнадцать миллионов. Твоя мама в восторге.

Мы целуемся. Долго, нежно. Как раньше. Как до того февраля.

Прошлым летом, в августе, мы наконец... сошлись снова. Полтора года мы жили как соседи – в одной квартире, но в разных мирах. А потом, одной августовской ночью, когда дети были у родителей на даче, что-то изменилось.

Мы сидели на кухне, пили вино, говорили о чём-то незначительном. И вдруг я посмотрела на него и увидела не предателя, не изменника, а просто Максима. Мужчину, которого когда-то любила. Который совершил ошибку, но который полтора года изо дня в день доказывал, что достоин прощения.

– Макс, – сказала я тогда.

– Да?

– Иди сюда.

Он подошёл, присел рядом. Я взяла его лицо в ладони, посмотрела в глаза:

– Я прощаю тебя. По-настоящему прощаю.

В глазах мужа, облегчение, радость и... чувство превосходства, или мне показалось? Наверное, показалось. А потом мы целовались, и это было как возвращение домой после долгого путешествия.

С тех пор мы снова вместе. По-настоящему вместе. Да, шрамы остались. Иногда я всё ещё вздрагиваю, когда он задерживается на работе. Иногда он смотрит на меня с такой виной в глазах, что хочется обнять и сказать: всё хорошо, всё позади.

Но мы справляемся. День за днём, шаг за шагом.

– Папа! – Вера вбегает на балкон, бросается к Максиму. Он подхватывает её на руки, кружит.

– Привет, принцесса! Как прошёл день в садике?

– Хорошо! Мы лепили из пластилина собачку! И воспитательница сказала, что у меня лучше всех получилось!

– Молодец!

Я смотрю на них и улыбаюсь. Максим обожает обеих дочерей одинаково. Для него нет разницы – Соня или Вера. Обе его девочки.

А для меня? Я люблю Веру. Не так, как Соню – это невозможно. Но люблю.

Вечером, за ужином, мы сидим вчетвером за большим столом. Соня рассказывает о школе, Вера перебивает, хвастается своими успехами в садике. Максим смеётся, я разливаю суп.

Обычный семейный вечер. Таких у нас теперь много.

После ужина укладываем девочек спать. Сначала Веру – она засыпает быстрее. Потом Соню, которая требует длинную сказку и стакан воды.

Когда дети наконец засыпают, мы с Максимом выходим на балкон. Садимся в плетёные кресла, я прижимаюсь к его плечу.

– Лен, – говорит он тихо. – Ты счастлива?

Я задумываюсь. Счастлива ли я? После всего, что было?

– Да, – отвечаю честно. – Не так, как раньше. По-другому. Но да, счастлива.

Он целует меня в макушку:

– Я тоже. И я каждый день благодарю судьбу за то, что ты дала мне второй шанс.

– Мы оба получили второй шанс, – поправляю я.

Мы сидим в тишине, глядя на вечерний город. Где-то там, в Германии, живёт Катя с новой семьёй. Где-то в Санкт-Петербурге – Павел. Где-то – Алиа.

Все разбрелись по своим углам, зализывают раны, строят новые жизни.

А мы здесь. Вместе. Семья из четырёх человек, склеенная из осколков, но крепкая.

Телефон звонит – мама.

– Лена, доченька, завтра суббота. Приезжайте к нам на обед. Я пирог испеку, папа шашлыки сделает на новом мангале.

– Хорошо, мам. Приедем.

– И Вика с семьёй будет. Дети соскучились по двоюродным сёстрам.

– Отлично.

– Лена, – мама делает паузу. – Ты точно простила Максима? Ты счастлива?

На протяжении двух лет она каждый раз задаёт мне этот вопрос. И каждый раз я отвечала, что стараюсь, но получается плохо. И вот, несколько месяцев назад, на очередной вопрос я наконец ответила: «Да, простила».

Сегодня, как и при всех наших предыдущих разговорах, я сказала:

– Да, мам, простила. И да, я счастлива. Может, хватит спрашивать одно и то же? – в моём голосе скользнуло раздражение.

Стараясь погасить вспышку, я мягко добавила:

– Мама, перестань тревожиться за меня. Я простила Максима, мы начали всё сначала. Надеюсь, дальше нас ждёт только белая полоса и, надеюсь, судьба больше не подкинёт нам неприятных сюрпризов.

«Ох, как я ошибалась в тот момент. Видимо, провидение решило, что мало мне отсыпало испытаний в жизни».

– Я люблю тебя, доченька. Всех вас люблю.

– И мы тебя, мам.

Кладу трубку. Максим вопросительно смотрит на меня.

– Мама задаёт одни и те же вопросы?

– Да, переживает за меня. Всё никак не может поверить, что отношения у нас наладились. Я поговорю с ней, постараюсь убедить, что у нас всё хорошо.

– Я её понимаю, – ответил муж. – То, что пережила ты два года назад... Не знаю, смог бы я выйти из ситуации так, как сделала ты.

Я молчала, не зная, что ответить ему.

– Завтра к родителям на шашлыки, – наконец сказала я.

– Хорошо. Девочки будут рады.

Ночью я просыпаюсь от того, что маленькое тельце пробирается к нам в кровать. Вера. Она иногда приходит, когда снятся плохие сны.

– Что случилось, малышка? – шепчу я.

– Мне приснилось, что вы с папой ушли и оставили меня, – она всхлипывает.

Я прижимаю её к себе:

– Никогда. Слышишь? Мы никогда тебя не оставим.

Она успокаивается, засыпает между нами. Максим во сне обнимает нас обеих.

Я лежу в темноте и думаю о том, как странно устроена жизнь. Как из трагедии может родиться счастье. Как из предательства – прощение. Как чужой ребёнок может стать родным.

Утром просыпаемся от того, что Соня запрыгивает на кровать:

– Подъём! Подъём! Сегодня к бабушке с дедушкой!

Вера сонно трёт глаза, Максим стонет и натягивает одеяло на голову.

Обычное субботнее утро. Обычная семья.

ГЛАВА 2

Родительская дача встретила нас запахом свежей выпечки и детским смехом, Вика с семьёй уже были там. Аня и Вадик носились по двору, играя в догонялки. Соня тут же присоединилась к ним, а Вера застенчиво прижалась к моей ноге.

– Иди, солнышко, поиграй с ребятами, – подтолкнула я её.

Она посмотрела на меня неуверенно, потом медленно пошла к детям. Вадик, которому уже исполнилось шесть, важно взял её за руку:

– Пойдём, Верка, я тебе покажу, где дедушка качели новые повесил!

Папа вышел на крыльцо в фартуке с надписью «Шеф-повар»:

– А вот и вы! – он обнял меня, пожал руку Максиму. – Мясо уже мариную, через час будем жарить. А где мои любимые внуки?

– Там, – я махнула рукой в направлении качелей.

– Даже деда не поцеловали, – папа сделал вид, что сердится, при этом не смог скрыть улыбку.

Мама появилась следом, вытирая руки о полотенце:

– Наконец-то! Вика уже заждалась, хотела с тобой поговорить.

Мы прошли в дом. За два года после инфаркта мама заметно постарела – появилось больше морщин, седину она больше не закрашивала. Но в глазах была та же живость, та же энергия. Они с папой будто заново влюбились друг в друга после того кризиса. Каждый раз, когда я приезжала, видела, как они держатся за руки, как папа смотрит на неё с такой нежностью, будто боится потерять.

Вика сидела на террасе с бокалом домашнего лимонада:

– Лен! Наконец-то! Садись.

Андрей возился с папой у мангала – мужская солидарность в приготовлении шашлыка. Максим присоединился к ним, и вскоре оттуда донёсся смех – папа рассказывал какую-то из своих баск.

– Как жизнь? – спросила Вика, когда я устроилась рядом с ней.

– Хорошо. Репетируем концерт к майским праздникам. У тебя?

– Да так же. Андрей получил повышение, теперь начальник отдела. Зарплата выросла, думаем летом в Турцию съездить всей семьёй.

Мы болтали о всякой ерунде – о детях, о работе, о планах на лето. Мама периодически выходила из кухни, приносила то салаты, то нарезку, то свой фирменный пирог с яблоками.

– Мам, да хватит уже, мы же лопнем! – смеялась Вика.

– Ничего, дети набегаются, проголодаются, – мама присела с нами, вытерев пот со лба. – Посмотрите на них.

Мы повернулись к лужайке, где играли дети. Вера уже освоилась – бегала вместе со всеми, визжала от восторга, когда Вадик катал её на качелях. Соня учила Аню делать колесо.

– Хорошие у нас внуки, – мягко сказала мама. – Все. И Верочка тоже.

Я посмотрела на неё с благодарностью. С самого начала, когда Максим привёз Веру, родители приняли её как родную внучку. Ни разу не сделали различия между ней и Соней. Для них она была просто ещё одним ребёнком, нуждающимся в любви.

– Помнишь, как она первый раз приехала сюда? – вспомнила мама. – Такая испуганная, прижималась к Максиму, плакала.

– Помню, – я кивнула. Это было через два месяца после того, как Катя бросила дочь. Вера всё ещё искала маму, не понимала, что происходит.

– А сейчас смотри – как дома, – мама улыбнулась. – Дети удивительные существа. Они принимают любовь и отвечают на неё.

Папа крикнул, что шашлык готов, и началась весёлая суматоха – накрывали большой стол на террасе, рассаживались, раскладывали еду. Вера устроилась между мной и Максимом, Соня – напротив, рядом с дедушкой.

– За семью! – поднял бокал папа. – За то, что мы все вместе, здоровы и счастливы!

Мы чокнулись – женщины бокалами вина, дети соком. Ели, смеялись, дети рассказывали какие-то свои истории, перебивая друг друга. Андрей травил анекдоты, Максим подхватывал, они соревновались, кто смешнее расскажет. Папа умилённо смотрел на внуков, подкладывал им лучшие кусочки.

Идиллия. Настоящая семейная идиллия. Если бы кто-то со стороны посмотрел на нас, подумал бы – вот она, счастливая семья. Большая, дружная, любящая.

И это была правда. Мы были счастливы. Несмотря на все шрамы, все испытания.

После обеда дети снова убежали играть. Мужчины остались на террасе – папа достал коньяк, разлил по трём бокалам, Максим и Андрей отказались от выпивки, так как оба были за рулём.

Мама предлагала остаться всем на ночь, но мы отказались. Мужчины продолжали о чём-то разговаривать, скорее всего, обсуждали политику и экономику. Мы с мамой и Викой убрали со стола.

Вика отнесла стопку тарелок в кухню, а когда вернулась, мама пошла в дом. Мы остались вдвоём. Вика присела ближе, понизила голос:

– Лен, можно я спрошу одну вещь? Только честно, как сестре.

Я напряглась, но кивнула:

– Конечно. Что?

– Ты правда простила Максима? По-настоящему? И... как ты на самом деле относишься к Вере?

Я замерла, глядя на детей за окном. Вера как раз хохотала, качаясь на качелях, а Соня подталкивала её повыше.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что мама всё ещё переживает. И я... я вижу, как ты смотришь на них иногда. С любовью, да, но... не знаю. Хочу понять, всё ли у тебя внутри улеглось. Ты столько пережила, Лен. Я бы, наверное, не смогла.

Я вздохнула, отставила бокал.

– С Максимом... Да, простила. Не сразу, не легко. Были ночи, когда я лежала и ненавидела его так, что хотелось уйти. Но он не сдавался. Каждый день доказывал – делами, не словами. А потом, в тот август... я просто устала ненавидеть. И поняла, что люблю его всё ещё. Не того Максима из прошлого, а этого – который прошёл через ад ради нас. Шрамы есть, Вика. Иногда всплывает недоверие, иногда виню его мысленно. Но мы вместе, и это настоящее.

Вика кивнула, слушая внимательно.

– А Вера?

Я улыбнулась грустно.

– Вера... Она не Соня и никогда не будет для меня на первом месте. Я не рожала её, не вынашивала. Первое время я смотрела на неё и видела только напоминание о предательстве. Больно было ужасно. Но потом... она начала ко мне тянуться. Назвала мамой сама. Плакала по ночам, обнимала меня. И я поняла: она ни в чём не виновата. Она просто ребёнок, которого бросили. Теперь я люблю её. По-настоящему. Не как родную по крови – это невозможно, – но как маленького ребёнка, который нуждается в любви, заботе и ласке. Когда она улыбается мне, когда бежит обниматься... это моё. Я никому её не отдам, Вика. Правда. Хватит ей страданий и предательства. В свои четыре года, она уже познала предательство самого близкого человека. Её предали, ради комфортной жизни где-то там, в другой стране.

Вика сжала мою руку:

– Я рада. Правда рада. Ты сильнее всех нас, Лен. И если иногда тяжело – говори мне, ладно? Не держи в себе.

– Спасибо, – я обняла её. – Всё хорошо. Правда.

Мы с Викой пошли в кухню, чтобы помочь маме с посудой. Я взяла у неё губку и начала мыть посуду. Вика освобождала тарелки от остатков пищи. Мама взяла полотенце, чтобы вытирать посуду.

– Знаешь, – вдруг сказала она, вытирая тарелку. – Мне сегодня ночью Алия приснилась.

Я замерла с грязными тарелками в руках. Вика тоже притихла.

– И что? – осторожно спросила я.

Мама задумчиво смотрела в окно:

– Станный сон был. Она стояла в каком-то белом платье, улыбалась. Но грустно так. Подошла ко мне, обняла и сказала: «Прости меня, Наташа. За всё прости. Я уйду». И будто растворилась в воздухе.

– Мам, это просто сон, – сказала Вика.

– Знаю, – мама покачала головой. – Но такое чувство... будто она прощалась. По-настоящему прощалась.

Меня передёрнуло. В народе говорят, что когда человек в белом приходит во сне прощаться...

– Мам, не накручивай себя, – я положила руку ей на плечо. – Алия в Германии, у неё недавно родился внук от Ганса. Думаю, она сейчас помогает Кате.

– Катя не звонила? – неожиданно спросила мама.

Я переглянулась с Викторой.

– Звонила последний раз полгода назад, когда родила. После этого ни разу и не писала. Мама, я же тебе рассказывала.

– Да знаю я. Просто сон этот... Не к хорошему. У нас всех сейчас всё хорошо, но это счастье так хрупко. Я боюсь, что всё может рухнуть в любой момент.

– Не думай об этом, мам, – сказала Вика. – Что было, то прошло. То, что наша семья пережила два года назад... мы заплатили сполна все, мам.

Мама кивнула, но я видела, что мысли её далеко.

Вечером мы засобирались домой. Вера уснула в машине, устав от беготни и свежего воздуха. Соня тоже клевала носом. Максим вёл машину, я сидела рядом, думая о маминих словах.

Алия приснилась ей. Прощалась. Глупости, конечно. Просто сон. Но почему так тревожно на душе?

Дома уложили девочек, вышли с Максимом на балкон. Город внизу светился огнями.

– О чём думаешь? – спросил он.

– Мама сказала, что Алия ей приснилась. Будто прощалась.

Максим помолчал:

– Странно. Но это же просто сон.

– Да, наверное.

Но тревога не отпускала. Будто что-то витало в воздухе. Что-то неуловимое, но важное.

Ночью мне тоже приснилась Алия. Она стояла на берегу моря, смотрела на закат. Обернулась, посмотрела на меня долгим взглядом и сказала:

– Береги Веру, Лена.

И исчезла.

Я проснулась в холодном поту. Рядом мирно спал Максим. За стеной тихо посапывали девочки.

Всё в порядке. Все на месте. Это просто сон.

Но в душе уже поселилась тревога.

ГЛАВА 3

Утром в воскресенье я проснулась от того, что Вера забралась к нам в кровать и тихонько теребила меня за руку.

– Мама, а мы сегодня куда-нибудь пойдём?

Я открыла глаза, посмотрела на часы – половина восьмого. Рядом Максим ещё спал, а Вера уже была одета в своё любимое розовое платье.

– Ты уже оделась? – удивилась я.

– Да! Соня сказала, что воскресенье – день для приключений!

Я улыбнулась, погладила её по голове:

– Правильно говорит. Идём завтракать, а потом решим, куда поедем.

За завтраком Максим предложил:

– Давайте в зоопарк? Погода хорошая, девочки давно просились.

– В зоопарк! В зоопарк! – завизжали обе дочери хором.

Через час мы уже были на входе в Московский зоопарк. Апрельское солнце грело по-настоящему, и я сняла с девочек куртки, оставив их в лёгких кофтах.

– Сначала к слонам! – потребовала Соня.

– Нет, к обезьянкам! – возразила Вера.

– Пойдём по порядку, – решил Максим, взяв карту зоопарка. – Начнём с больших кошек.

У вольера со львами девочки прилипли к стеклу. Огромный лев лениво зевнул, показав клыки, и Вера испуганно прижалась ко мне.

– Не бойся, солнышко, он за стеклом, – успокоила я её.

– А он добрый? – спросила она.

– В природе львы хищники, но здесь о них заботятся люди, – объяснил Максим. – Смотри: видишь, как он греется на солнышке? Совсем как большая кошка.

У обезьян было весело – шимпанзе устроили настоящее представление, прыгая с ветки на ветку. Одна маленькая обезьянка подошла к стеклу и начала корчить рожицы. Девочки хохотали, повторяя её гримасы.

– Папа, сфотографируй нас! – попросила Соня.

Максим достал телефон, и мы встали у стекла – я держала за руки обеих девочек, а за спиной обезьянка продолжала свой спектакль.

– Отличное фото, – показал Максим экран. – Все улыбаются, даже обезьяна!

В слоновнике Вера была в полном восторге. Огромная слониха медленно жевала сено, а рядом с ней топтался слонёнок.

– Мама, смотри, у них тоже мама и ребёнок! – воскликнула Вера.

– Да, малышка, это семья, – я присела рядом с ней. – Слоны очень заботятся о своих детях.

– Как ты обо мне? – она посмотрела на меня своими большими глазами.

– Конечно, как я о тебе, – я обняла её, и что-то тёплое разлилось в груди.

У пруда с пеликанами мы купили специальный корм. Девочки с визгом кидали рыбёшек огромным птицам, которые ловко хватали еду на лету.

– Папа, а почему у них такой большой клюв? – спросила Соня.

– Это как сачок для рыбы, – объяснил Максим. – Они зачерпывают воду вместе с рыбой, потом воду выливают, а рыбу глотают.

– Умные! – восхитилась Вера.

На детской площадке с домашними животными девочки погладили козлят, покормили морковкой кроликов. Вера боялась подойти к пони, но Соня взяла её за руку:

– Не бойся, я с тобой!

И они вместе погладили маленькую лошадку, которая терпеливо стояла, пока десятки детских рук трогали её гриву.

К обеду все устали. Мы зашли в кафе на территории зоопарка, заказали пиццу и мороженое.

– Это был лучший день! – заявила Вера, уплетая шоколадное мороженое.

– А мне больше всего понравились обезьянки, – добавила Соня.

– А мне понравилось, что мы все вместе, – сказал Максим, глядя на нас с такой нежностью, что у меня защемило сердце.

Дома девочки были такими уставшими, что поужинали и сразу попросились спать. Я искупала их, прочитала короткую сказку, и они заснули, едва их головы коснулись подушек.

Вечером мы с Максимом сидели на диване в гостиной. По телевизору шёл какой-то фильм, но мы не смотрели. Просто сидели рядом, я прижималась к его плечу.

– Лен, – начал он тихо. – Можно я спрошу кое-что?

– Конечно.

– Ты... ты правда простила меня? Не просто говоришь это, а по-настоящему? Иногда так смотришь на меня, что мне кажется, что ты всё ещё... не до конца веришь мне.

Я подняла голову, посмотрела ему в глаза:

– Макс, я простила. Честно. Да, иногда всплывают воспоминания. Иногда, когда ты задерживаешься, меня пробирает страх. Но это проходит. Потому что я вижу тебя сейчас – какой ты стал. Как ты любишь нас. Обоих девочек. Как стараешься. Ты уже не тот человек, который изменил мне почти пять лет назад.

– А Вера? – он говорил осторожно, будто боясь спугнуть момент откровенности. – Ты... как ты к ней относишься на самом деле?

Я помолчала, подбирая слова:

– Знаешь, сегодня в зоопарке, когда она спросила, забочусь ли я о ней, как слониха о слонёнке... я почувствовала это. По-настоящему почувствовала. Я люблю её, Максим. Она прибегает ко мне, когда ей страшно. Смотрит на меня с такой любовью и доверием... Я никому её не отдам. Никогда.

Максим прижал меня к себе крепче:

– Спасибо. За всё спасибо. Я знаю, что не заслуживаю такой жены. После всего, что натворил...

– Хватит, – я закрыла ему рот ладонью. – Мы это уже проходили. Ты заслуживаешь.

Максим выдохнул – тихо, но с явным облегчением, которое переросло в довольную улыбку. Он провёл ладонью по моим волосам, голос стал ещё мягче, но в нём теперь слышалась твёрдая уверенность мужчины, который понял: всё под контролем, она никуда не денется.

– Ты удивительная, Лен. Самая лучшая. Я знал, что ты справишься... что мы справимся. И вот – всё по-нашему. Семья, дом, дети. Никто нас не разлучит.

Он наклонился, поцеловал меня – долго, уверенно, с той собственной ноткой, которая раньше меня завораживала, а теперь оставила лёгкий осадок. Поцелуй был не просто нежным, в нём чувствовалось удовлетворение победителя, который наконец-то получил своё. Потом он отстранился, встал с дивана и потянулся:

– Пойду в душ, а то весь день на ногах. Ты отдыхай.

Он ушёл в ванную, напевая что-то под нос – тихо, но что-то весёлое, как человек, с плеч которого окончательно свалился тяжёлый груз.

Я осталась сидеть на диване одна. В телевизоре какой-то фильм, бормотание актёров, но я не вникала в сюжет. В голове крутились его слова, интонация, эта улыбка... Что-то в ней кольнуло – едва заметно, но неприятно. Удовлетворение? Убеждённость, что я «справилась», что теперь «всё по-нашему»? Будто не мы вместе прошли через ад, а он ждал, пока я приду в

себя и вернусь на место. Я тряхнула головой. Нет, это я накручиваю. Просто усталость после долгого дня.

Он прав – мы вместе, семья крепкая. Всё хорошо. Но лёгкая тень осталась. Где-то в глубине шевельнулось старое недоверие – не к измене, а к тому, насколько искренне он переживал всё это время. Или всё-таки переживал только за то, чтобы не потерять удобную, прощающую жену?

Я выключила телевизор и пошла в кухню налить воды. В темноте квартиры было тихо, только из ванной доносился шум душа и пение Максима. Тревога из вчерашнего сна об Алие вдруг вернулась, смешавшись с этой новой, едва уловимой ноткой. Будто что-то снова начало трещать по швам – незаметно, но верно. Я сделала глоток воды и посмотрела в окно на ночной город.

Завтра понедельник. Веру нужно отвезти в садик, Соню в школу. Моя машина в сервисе, и завтра тяжёлый день. Подготовка к праздничным концертам, репетиции с детьми. Попрошу Максима, чтобы он нас отвёз, а вечером забрал девочек, так как не привязан к рабочему графику, поэтому не откажет.

Я дождалась, когда муж выйдет из душа, быстро ополоснувшись, прошла в спальню.

Максим уже лежал в кровати, листая новости в телефоне. Улыбнувшись, похлопал рядом с собой по кровати, я нырнула в постель, он нежно меня обнял и сказал:

– Я тебя люблю! И больше никогда не предам.

После его слов, все мои страхи сразу улетучились, и, блаженно закрыв глаза, я провалилась в сон.

ГЛАВА 4

Понедельник начался как обычно – будильник в шесть утра. Я встала первой, стараясь не разбудить Максима. В ванной плеснула холодной водой в лицо, посмотрела на себя в зеркало. Лёгкие тени под глазами, но в целом выгляжу неплохо для своих тридцати пяти.

Приняв душ, я прошла на кухню готовить завтрак. Овсянка для девочек, яичница для Максима. Привычные движения успокаивали – достать кастрюлю, налить молоко, помешивать кашу.

В половине седьмого пошла будить девочек. Сначала в комнату Сони.

– Солнышко, пора вставать. Школа ждёт.

Соня застонала, натянула одеяло на голову:

– Мама, ещё пять минуточек!

– Никаких минуточек. Вставай, соня. У тебя сегодня проверочная по математике, помнишь?

– Ой! – Соня резко села в кровати. – Я забыла повторить правила.

– Всё ты знаешь. Давай умываться – и завтракать.

Потом зашла к Вере. Она уже сидела в кровати, обнимая своего плюшевого зайца.

– Доброе утро, милая. Как спалось?

– Хорошо! Мама, а мне сегодня можно надеть платье с единорогами?

– Конечно, можно. Давай я помогу тебе одеться.

Пока я помогала Вере с пуговицами, она болтала без умолку:

– А знаешь, Маша в садике в прошлый раз сказала, что у неё есть настоящий единорог! Но я думаю, она врёт, потому что единороги только в сказках, правда? А ещё воспитательница сказала, что мы будем рисовать весну! Я нарисую цветочки и солнышко!

– Обязательно нарисуй, – улыбнулась я, заплетая ей косички. – Покажешь мне вечером?

– Покажу! И папе покажу! И Соне!

Когда мы вышли в кухню, Соня уже сидела за столом, листая учебник математики.

– Убери учебник, испачкаешь, – я поставила перед ней тарелку с кашей. – Ешь, пока горячая.

– Мам, а можно мне с вареньем? – попросила Вера, устраиваясь за столом.

– Немножко можно, – я добавила ложку малинового варенья в её кашу.

Максим появился в кухне в половине восьмого – свежевыбритый, в домашних джинсах и футболке. От него пахло гелем для душа с запахом кедра.

– Доброе утро, девочки мои, – он поцеловал сначала Соню в макушку, потом Веру, потом подошёл ко мне, обнял сзади. – Как мои красавицы?

– Папа, у меня сегодня проверочная! – сообщила Соня.

– А я буду рисовать весну! – не осталась в стороне Вера.

– Вот это да! День обещает быть продуктивным, – Максим сел за стол, и я поставила перед ним тарелку с яичницей.

– Макс, – начала я, наливая ему кофе. – Ты сможешь сегодня забрать девочек? У меня репетиция с ансамблем до шести, никак не успею.

На миг в его глазах мелькнула досада – едва заметная, но я уловила. Он помедлил с ответом, отпил кофе.

– У меня встреча с клиентом в шесть...

– Соню нужно забрать в пять, у неё продлёнка, Веру в шесть тридцать. Никак не перенести встречу?

Максим вздохнул:

– Ладно, заберу. Перенесу встречу на более раннее время.

– Спасибо, – я коснулась его плеча. – Я знаю, это неудобно...

– Всё нормально, – он взял мою руку, сжал. – Справлюсь.

Но что-то в его тоне заставило меня насторожиться. Та же нотка, что вчера вечером – будто он делает одолжение, а не выполняет обычные родительские обязанности.

– Папа, а ты поможешь мне с уроками? – спросила Соня.

– Конечно, солнышко. Что задали?

– Английский и окружающий мир. По английскому надо выучить новые слова.

– Никаких проблем, – Максим улыбнулся дочери, и его лицо сразу смягчилось.

В восемь мы начали собираться. Я помогла девочкам надеть куртки, проверила рюкзаки.

– Ланчбокс взяла? – спросила я Соню.

– Да, мам.

– Сменка?

– Тоже.

– А ты, зайку не забыла? – обратилась я к Вере.

– Нет! Он тут! – Вера показала зайца, торчащего из рюкзака.

Максим уже ждал у двери с ключами от машины.

– Поехали, а то опоздаем.

В машине девочки болтали о своих планах на день. Соня рассказывала, что после контрольной у них будет физкультура – её любимый урок. Вера перечисляла, с кем будет играть в садике.

Сначала заехали в школу. Соня чмокнула нас обоих и убежала, на ходу махая рукой. Потом отвезли Веру в садик. Она обняла сначала Максима, потом меня:

– Пока, мама! Пока, папа! Вечером покажу рисунок!

– Обязательно посмотрим, – пообещала я.

Когда мы остались вдвоём в машине, Максим сказал:

– Что у тебя с машиной? Ты её две недели назад в сервис отогнала. Когда её вернут?

– Сегодня позвоню, узнаю, когда можно забрать.

– Да, узнай, пожалуйста. Сама же понимаешь, я не всегда могу вас отвозить утром.

– Ты куда-то торопишься сегодня? – спросила я.

– Сегодня не тороплюсь. Но кто знает, что будет завтра. Ты не представляешь, какие клиенты бывают капризные. Могут назначить встречу на ранее утро. Поэтому лучше, чтобы ты тоже была на колёсах.

– Понимаю, – ответила я и уставилась в окно.

Мы ехали молча. Утренние пробки, обычный московский понедельник. Я смотрела в окно и думала о предстоящем дне – репетиция с младшей группой в десять, потом индивидуальные занятия, после обеда – подготовка к концерту.

– Лен, – вдруг сказал Максим. – Ты обиделась? Из-за машины.

Я повернулась к нему, удивлённая вопросом:

– Нет. Почему ты так решил?

– Не знаю. Замолчала, ушла в себя, о чём-то задумалась.

– Предстоит тяжёлый день, – ответила я. – Конец учебного года, концерты, экзамены.

Обычная весенняя запарка.

Он кивнул, но я видела, что не до конца поверил.

У музыкальной школы он остановился, наклонился ко мне:

– Хорошего дня. Люблю тебя.

– И я тебя, – ответила ему.

Я вышла из машины, помахала ему и пошла к входу. Обернулась – Максим всё ещё стоял, из-за руля смотрел мне вслед. Наши взгляды встретились через лобовое стекло, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то... необъяснимое? Или не показалось?

Он уехал, а я вошла в школу, начала готовиться к обычному рабочему дню. Зашла в свой кабинет, сняла пальто и повесила на вешалку. До первой репетиции оставался час, и я решила разобрать накопившиеся документы – заявления от родителей, расписание экзаменов, программы концертов.

Села за стол, включила компьютер. На столе стопка бумаг ждала моего внимания. Я взяла первое заявление, начала читать, когда зазвонил телефон. Посмотрела на экран и замерла.

Катя.

Полгода молчания – и вдруг звонок. Сердце забилося чаще. Что-то случилось? С ней? С ребёнком?

– Алло? – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Лена... – голос Кати был странным. Глухим, будто она плакала. – Лена, прости, что звоню.

– Катя, что случилось? Ты в порядке? Ребёнок?

– Штефан в порядке. Лена... мама умерла.

Я почувствовала, как комната поплыла перед глазами. Села обратно в кресло.

– Что? Когда? Как?

– Два дня назад. Инфаркт. Она была на кухне, готовила ужин. Я была у врача со Штефаном, Ганс нашёл её... он приехал на обед. Скорая приехала быстро, но было уже поздно.

Я молчала, не зная, что сказать, наконец выдавила из себя:

– Прими мои соболезнования.

– Да, спасибо, – ответила Катя. – Ты там сообщи своей маме, папе. Я не буду им звонить. Позвонила тебе, просто... чтобы вы знали. Мамы больше нет.

– Как ты сама? – спросила я. – Как сын? Ганс?

– Всё хорошо. – И Катя отключилась.

Я смотрела на телефон и думала: «Она даже не спросила про Веру. Катя полностью вычеркнула дочь из своей жизни». Мне стало так больно и обидно за девочку, что я разрыдалась, громко, с надрывом и всхлипами. Вдруг дверь в кабинета открылась, и вошёл мужчина.

– Елена Михайловна... Господи! Что с вами? – мужчина подошёл ко мне. – У вас кто-то умер?

Я продолжала всхлипывать, не глядя на него. Он молча сел за стол напротив меня и ждал, когда я успокоюсь. Постепенно моя истерика сошла на нет. Посмотрев на мужчину, я спросила.

– Вы кто? Почему вошли без стука?

– Я новый преподаватель по классу гитары. Всеволод Алексеевич. Пришёл обсудить репетицию, которая будет через час. И я стучал, просто вы не слышали. Так что у вас случилось? Вы так горько плакали.

ГЛАВА 5

Я посмотрела на этого незнакомого мужчину – Всеволода Алексеевича. Ему было около сорока, тёмные волосы с проседью, добрые карие глаза за очками в тонкой оправе. Что-то в его лице, в спокойном участливом взгляде располагало к откровенности.

– Простите, – я вытерла слёзы салфеткой. – Я не должна была... Это не профессионально.

– Бросьте, – он махнул рукой. – Мы все люди. Иногда нужно выговориться. Хотите воды?

Он встал, не дожидаясь ответа, налил воды из кулера в углу кабинета, поставил стакан передо мной.

– Спасибо, – я сделала несколько глотков. – Мне только что позвонили... сообщили, что человек умер. Мать... одной женщины.

– Мама вашей ученицы? – спросил он осторожно.

Я покачала головой:

– Нет. Это... сложная история. Женщина, Алия, бывшая подруга моей матери. Катя, её дочь – бывшая любовница моего мужа, она родила ему ребёнка. Девочка живёт с нами. Моя... приёмная дочь, можно сказать. Хотя официально Катя не отказалась от родительских прав, мой муж признал девочку...

Всеволод молчал, давая мне время собраться. И вдруг, неожиданно для себя самой, я начала рассказывать. Всё. С самого начала.

– Её зовут Вера. Ей четыре года. Её мать – Катя – бросила её два года назад. Просто оставила в Казани после того, как мой муж вписался в метрику ребёнка. Катя написала записку и уехала в Германию, чтобы выйти замуж. Заодно прихватила с собой Алию.

Всеволод слегка приподнял брови, но ничего не сказал.

– Да, – я криво усмехнулась. – Он мне изменил. С Катей. Пять лет назад у них был роман, потом она забеременела. Приехала к нам в Москву, вместе с Алией. Моя мама пригласила их на свой юбилей два года назад. Тогда я и узнала об измене и о ребёнке.

– И вы... приняли ребёнка? – в голосе Всеволода не было осуждения, только удивление.

– А что мне оставалось? – я пожала плечами. – Ребёнок ни в чём не виноват. Вера... она хорошая девочка. Называет меня мамой. Я люблю её. Не как родную дочь Соню, но... люблю.

– Это требует огромной силы духа, – тихо сказал Всеволод. – Простить мужа, принять его ребёнка от другой женщины.

– Простить... – я задумалась. – Знаете, все говорят, что я простила. И я сама так говорю. Но иногда... иногда я смотрю на него и думаю: а действительно ли он изменился? Или просто рад, что всё устроилось? Что я оказалась такой удобной, всепрощающей женой?

Всеволод наклонился вперёд:

– А что вы сами чувствуете?

– Не знаю, – призналась я. – Вчера, например, он сказал что-то... ничего особенного, просто тон был такой... довольный. Будто он выиграл в какую-то игру. А сегодня утром еле согласился забрать девочек из школы и садика. Будто делает одолжение.

– Елена... простите, я могу называть вас по имени?

Я кивнула.

– Елена, а что вы хотите? Для себя?

Вопрос застал меня врасплох. Я молчала, думая.

– Я хочу, чтобы девочки были счастливы. Обе. Чтобы семья была крепкой.

– А вы сами? Вы счастливы?

– Я... – я запнулась. – Я стараюсь быть счастливой. Для них.

– Но это не ответ на вопрос, – мягко заметил Всеволод.

– Да, наверное, не ответ, – я вздохнула. – Алия всегда любила моего отца, а моя мама его увела у неё. Мой отец и Алия переспали один раз, они оба были несвободны на тот момент... – я горько ухмыльнулась. – Алия настаивала, что Катя – дочь моего отца. Слава богу, экспертиза показала, что это не так. Алия и Катя приехали к нам, чтобы отомстить. Сейчас я это понимаю. Ну, и сбросить балласт в виде Веры. Жених Кати, Ганс, был категорически против девочки.

– Сложная история, – Всеволод откинулся на спинку стула. – Все переплетены, все друг другу что-то должны, все виноваты и все жертвы одновременно.

– Да, именно так, – я удивилась точности его формулировки. – А сейчас позвонила Катя и сказала, что Алия умерла. И представляете? Она даже не спросила про дочь. Поэтому я сорвалась и впала в истерику. Хотя, что уж говорить, это первый звонок от Кати за полгода. Для неё дочери больше не существует.

– Это больно.

– Больно за Веру. Она маленькая, она не понимает, почему мама её бросила. Сейчас уже не спрашивает о ней, может, забыла её, мамой называет меня, но... что я скажу ей, когда она вырастет? Что родная мать выбрала комфортную жизнь в Германии вместо неё?

Всеволод помолчал, потом сказал:

– Знаете, я тоже воспитываю неродного ребёнка. Мой пасынок. Его мать, моя бывшая жена, погибла в аварии три года назад. Ему было семь. Никого их родных у него не было, и чтобы мальчика не забрали в детский дом, я усыновил его. Сейчас ему десять. И он тоже называет меня папой, хотя знает правду.

Я подняла на него глаза:

– И как вы справляетесь?

– День за днём. Иногда легко, иногда тяжело. Но знаете, что я понял? Дети чувствуют, любят их или нет. Если вы действительно любите Веру, искренне привязались к ней, она это знает. И этого достаточно.

– Надеюсь, вы правы.

Мы помолчали. Потом Всеволод посмотрел на часы:

– До репетиции ещё полчаса. Хотите, схожу за кофе? Здесь рядом есть хорошая кофейня.

– Спасибо, но у нас есть кофемашина в учительской.

– Тогда давайте я сделаю кофе? Вы пока приведите себя в порядок.

Он вышел, а я посмотрела в зеркальце – глаза красные, тушь размазана. Достала косметичку, попыталась привести лицо в порядок.

Всеволод вернулся с двумя чашками кофе, поставил одну передо мной:

– Не знал, как вы любите, сделал капучино.

– Спасибо, в самый раз, – я сделала глоток. Кофе был хороший, с густой пенкой.

– Елена, можно я скажу, что думаю? – спросил он. – Вы можете послать меня куда подальше, я пойму.

– Говорите.

– Мне кажется, вы взвалили на себя слишком много. Пытаетесь быть идеальной для всех – для мужа, для дочерей, для родителей. А для себя?

– У меня есть работа, которую я люблю.

– Это хорошо. Но этого достаточно?

Я не ответила. Потому что не знала ответа.

– Извините, если лезу не в своё дело, – добавил Всеволод. – Просто... я вижу в вас сильную женщину, которая несёт на себе столько, что хватило бы на троих. И мне кажется, никто не спрашивает, как ВЫ себя чувствуете. В истории, которая произошла в вашей жизни, в большей степени, пострадали вы, взвалив на себя грех мужа, и невинная девочка. Ваш муж, Катя, Алия, вышли из ситуации с минимальными потерями.

– Вы первый спросили за долгое время, – призналась я.

– Тогда я буду спрашивать чаще, – улыбнулся он. – Если не против. В конце концов, мы теперь коллеги.

Я улыбнулась в ответ – первая искренняя улыбка за это утро:

– Спасибо, что выслушали. Мне правда стало легче.

– Всегда пожалуйста. И Елена... эта Вера – счастливая девочка. У неё есть вы. Это дорогого стоит.

Дверь приоткрылась после деликатного стука, пришла моя первая ученица на репетицию:

– Можно, Елена Михайловна?

– Минуту, Таня, – ответила я и дверь снова закрылась.

– Мне пора, – сказал Всеволод, вставая. – Увидимся на общей репетиции. И... если захотите поговорить ещё, я всегда готов выслушать.

Всеволод уже взялся за ручку двери, но вдруг остановился, обернулся.

– Елена, можно ещё один вопрос? Самый последний, обещаю.

Я кивнула.

Он вернулся к столу, но не сел, просто опёрся ладонями о спинку стула, посмотрел мне прямо в глаза.

– Вы правда простили мужа? Не на словах, не для мамы, не для детей, не для того, чтобы «всё было как раньше». А внутри. По-настоящему?

Я отвела взгляд. В горле сразу пересохло. Вопрос был слишком точным, слишком обнажающим.

– Я... думаю, что да, – тихо ответила я наконец. – Стараюсь каждый день. И вроде получается. Когда он обнимает девочек, когда смеётся с ними, когда приносит мне чай в постель, потому что знает, что я устала... В эти моменты я чувствую – да, я его простила. И даже люблю. Не так безумно, как в первые годы нашей жизни, конечно. Но люблю. Спокойно. Осознанно.

Всеволод молчал, слушал внимательно.

– А когда он делает что-то не так? – спросил он мягко. – Когда появляется та самая нотка в голосе, про которую вы говорили? Когда кажется, что он... удовлетворён результатом, а не самим процессом прощения?

Я сглотнула.

– Тогда... тогда на секунду всё возвращается. Как вспышка. И я думаю: а вдруг он просто рад, что я осталась? Что не ушла, не устроила скандал, не забрала Соню, не разрушила ему жизнь? Что я оказалась... удобной. Но потом проходит. Я смотрю на него и вижу – он старается. Реально старается. И я снова себя убеждаю: это уже другое время. Другие мы.

Всеволод медленно кивнул.

– Знаете, что самое сложное в прощении? – сказал он почти шёпотом. – Не только забыть обиду. Самое сложное – перестать проверять человека каждую минуту. Перестать искать доказательства, что он «всё-таки не изменился». Потому что пока ты проверяешь – ты не живёшь. Рана всё ещё кровоточит.

Я посмотрела на него с каким-то новым интересом.

– И как перестать проверять?

– Не знаю, – улыбнулся он. – У каждого свой срок. У кого-то год. У кого-то пять лет. У кого-то никогда, как у меня. Я так и не смог простить жене измену. Она сама мне призналась, что забеременела не от меня. Три года я пытался простить. Но... каждый раз проверял телефон, если она задерживалась где-то, начинал накручивать себя, что вот, она снова мне изменяет. Морально очень тяжело, недоверие разъедает изнутри. Мы с ней поговорили, как взрослые люди, и решили расстаться. А спустя пять лет она погибла. Если у вас не так, то значит, вы действительно простили.

Я молчала долго. Слова ложились тяжело, но правильно.

– Вот то, что вы сейчас сказали... – призналась я наконец. – Я ещё проверяю его. Смотрю переписку в телефоне. Беру в руки, чтобы прочитать, иногда даже неосознанно, когда он не видит.

– Это нормально, – тихо сказал Всеволод. – Главное – быть уверенной, что это не навсегда. И ещё... – он помедлил. – Если когда-нибудь поймёте, что любви больше нет, а осталась только привычка или страх одиночества – не держитесь за это чувство. Вы и так уже совершили подвиг. Больше ничего никому не должны доказывать.

В дверь снова постучали.

Всеволод выпрямился.

– Пойду. Увидимся позже. И... спасибо, что ответили честно.

– Спасибо, что спросили, – ответила я.

Он вышел, а я ещё несколько секунд сидела, глядя на закрытую дверь. Странно, но после разговора с почти незнакомым человеком мне действительно стало легче. Будто груз, который я несла одна, стал чуть меньше.

ГЛАВА 6

Репетиции прошли на автопилоте. Я механически делала замечания ученикам, поправляла постановку рук, считала такты. Но мысли были далеко – смерть Алии, разговор с Всеволодом, его слова о проверках и недоверии.

В пять вечера, когда закончилось последнее занятие, зазвонил телефон. Максим.

– Лен, я забрал девочек раньше, – его голос был деловитым. – У меня срочно образовалась встреча с клиентом. Очень важный заказ, дом за городом, никак не смог перенести. Я отвёз их к твоим родителям, договорился с мамой.

– Макс, ты мог предупредить заранее...

– Прости, всё очень быстро закрутилось. Клиент из Питера, специально приехал. Хочет посмотреть объект сегодня. Это может быть крупная сделка.

– Понимаю, – вздохнула я. – Во сколько вернёшься?

– Поздно. Дом в Истре, пока доедем, пока всё покажу... Часам к одиннадцати, наверное.

Не жди меня, ложись.

– Хорошо. Удачи с клиентом.

– Спасибо.

Он отключился. Я посмотрела на телефон, потом набрала номер автосервиса.

– Добрый вечер, Фролова Елена Михайловна. Моя машина «Шкода», номерной знак...

– Да-да. Ваша машина готова. Можете забрать в любое время до восьми вечера.

– Отлично, буду через час.

Я собрала вещи, закрыла кабинет. В коридоре встретила Всеволода – он выходил из класса с гитарой в чехле.

– Елена, как прошёл день?

– Нормально, спасибо. Работа помогает отвлечься.

– Это хорошо. До завтра?

– До завтра.

В автосервисе всё прошло быстро. Машина выглядела как новая – помыли, почистили салон. Я расплатилась, села за руль. Было приятно снова быть мобильной, не зависеть от расписания Максима.

До родителей доехала за сорок минут. Во дворе их дома услышала детский смех – девочки играли на площадке под присмотром бабушки.

– Мама! – Вера первая меня заметила, побежала навстречу. – Смотри, я научилась высоко качаться!

– Молодец, солнышко.

Соня подбежала следом:

– Мам, а почему папа нас так рано забрал?

– У папы важная встреча. Пойдёмте в дом, бабушка, наверное, ужин приготовила.

Папа обнял меня:

– А мы тут хорошо время проводим. Вера мне все стихи из садика рассказала, Соня показывала, как проверочную написала. На пятёрку, между прочим!

В доме пахло пирогами. Мама сутилась на кухне, накрывая на стол.

– Лена, хорошо, что приехала. Садитесь ужинать.

– Мам, сначала девочек покормим, потом поговорить надо.

Она посмотрела на меня внимательно, уловила что-то в интонации:

– Что-то случилось?

– Потом, мам.

За ужином девочки наперебой рассказывали о своём дне. Вера показывала рисунок весны – криво, но с душой нарисованные цветочки и огромное жёлтое солнце.

– Красота! – похвалил дедушка. – Настоящий художник растёт!

После ужина мама отправила девочек смотреть мультики в гостиную, а мы остались на кухне втроём.

– Что случилось, Лена? – мама села напротив меня.

– Мам, пап... Алия умерла.

Мама побледнела, схватилась за край стола:

– Что? Когда? Как?

– Два дня назад. Инфаркт. Катя позвонила сегодня утром, сообщила.

– Господи... – мама закрыла лицо руками. – Мне же сон приснился. Помнишь, рассказывала? Она прощалась...

Папа обнял маму за плечи:

– Наташ, успокойся.

– Как успокоиться? – мама подняла на него глаза полные слёз. – Мы же с ней с первого курса дружили. Да, последние годы всё испортилось, но... Боже, Алия... Ей же всего шестьдесят два было.

– Катя сказала, что это случилось на кухне.

– Бедная девочка, – прошептала мама. – Как же Катя теперь? Одна в чужой стране, с маленьким ребёнком...

– У неё есть муж, – напомнил папа. – Этот немец, как его...

– Ганс, – подсказала я.

– Да какая разница! – мама махнула рукой. – Мать – это мать. Никто не заменит.

Мы помолчали. В гостиной девочки смеялись над мультиком.

– А Вера? – вдруг спросила мама. – Катя спрашивала о ней?

Я покачала головой:

– Нет. Даже не упомянула.

Мама поджала губы:

– Вот кукушка. Прости, Лена, но это правда. Бросить родного ребёнка... А теперь даже не спросить.

– Наташ, – папа погладил её по руке. – Не злись. Алия умерла. Не время для злости.

– А я и не злюсь на Алию. Она прожила свою жизнь как могла. Да, хотела отомстить, да, наделала глупостей. Но она любила Катю. Всё для неё делала. А Катя... Катя предала собственного ребёнка.

– Мам, не надо, – попросила я. – Вера счастлива с нами. У неё есть семья, дом. Есть мы.

– Это да, – мама вытерла глаза. – Ты молодец, доченька. Не каждая бы смогла. Приняла чужого ребёнка, простила мужа...

При слове «простила» я невольно вспомнила утренний разговор с Всеволодом. Проверки. Недоверие. Рана, которая всё ещё кровоточит.

– Лен, ты умница, – сказал папа. – Приняла трудное решение, сохранила семью. Максим это ценит. Я вижу, как он на тебя смотрит, как с девочками возится. Дурак был, что связался с этой... с Катей. Но теперь образумился.

– Надеюсь, – тихо сказала я.

Из гостиной послышался голос Веры:

– Мама, можно ещё один мультик?

– Иду! – крикнула я и встала. – Пожалуй, поедem домой. Завтра в садик рано.

– Может, останетесь? – предложила мама. – Максим же поздно вернётся.

– Нет, спасибо. Дома уроки проверить надо у Сони, вещи на завтра приготовить.

Мы стали собираться. Мама обняла меня у двери:

– Лена, если что – звони. В любое время. И про Алию... я схожу в церковь. Поставлю свечку. Она была православной, хоть и татарка. Что ни говори, а были мы когда-то близкими подругами.

По дороге домой девочки уснули. Я поглядывала в зеркало заднего вида – Вера прижималась к Соне, обе мирно сопели.

Дома проверила уроки у Сони, помогла собрать ранец к школе. Соня сидела за своим столом в комнате, сосредоточенно выводя буквы в тетради по английскому. Я подсказывала произношение, проверяла ошибки, а она иногда отвлекалась, рассказывая о школьных сплетнях.

– Мам, а правда, что у моей подруги Маши из класса родители разводятся? – вдруг спросила она, не отрываясь от тетради.

– Не знаю, солнышко. А тебе откуда об этом известно?

– Маша пришла сегодня в школу и плакала. Сказала, что её мама громко кричала на папу и сказала, что всё, хватит, что она разводится с кобелём. Мам, а почему кобель?

Я замерла на секунду, не зная, что ответить:

– Не знаю, милая. Это их семья и их правила. Мы не должны их осуждать и обсуждать.

Соня кивнула, вроде удовлетворившись ответом, и продолжила писать. Вера в своей комнате играла с куклами – я слышала, как она тихо напевает песенку из садика и разговаривает с игрушками разными голосами: «Нет, ты плохая девочка, иди в угол!»

Когда Соня закончила с уроками, я подписала дневник, по очереди искупала их обеих. Вера плескалась в ванне с пеной, строя «замки» из пузырей, а Соня уже по-взрослому быстро мылась, чтобы скорее лечь с книгой. Разведя их по комнатам, расстелила постель Вере, она заснула почти сразу, обнимая зайца. Затем зашла в комнату Сони, она дремала с раскрытой книгой, наклонившись, я поцеловала её, убрала книгу и, выключив торшер, вышла из комнаты.

В кухне заварила чай и села за стол. Пальцы сами потянулись к контактам. Вика. Надо ей тоже сказать о смерти Али. Я нажала вызов.

– Лен. Привет! – голос сестры был бодрым, на фоне слышался шум – кажется, посуда звякала, Андрей что-то говорил. – Ты как?

– Да только что девочек уложила. Вика... у меня новости.

Пауза. Шум на том конце затих.

– Ты про Алию? Я знаю, мама звонила. – Голос Вики стал серьёзным. – Но, Лен, если честно, мне её совсем не жаль. Она нам много чего плохого сделала. Чуть маму на тот свет не отправила. Катя ещё та... Гадина! – вырвалось у Вики зло. – Прости, но это правда. Бросить ребёнка, уехать в свою Германию, родить нового и ни разу за шесть месяцев не поинтересоваться, как там старшая дочь? Теперь звонит, только чтобы сообщить о смерти матери.

– Не злись на неё сейчас, – попросила я тихо. – Алия умерла. Может, у Кати шок.

– Шок? Лен, ты зачем её оправдываешь. Даже после всего. Она почти разрушила твою семью, а ты...

– Почти не считается. Мы справились.

Вика вздохнула тяжело.

– Ладно, не буду. Ты права, не время. Просто... больно за Веру.

– Мне тоже больно и обидно за неё. Но мы и с этим справимся.

– Ты молодец, Лен. Правда. Не каждая бы смогла. Я вот думаю иногда: а если бы у Андрея был ребёнок на стороне? Я бы... наверное, ушла. С детьми. А ты осталась, простила, приняла Веру. Ты сильнее меня.

– Не сильнее. Просто... не хотела разрушать то, что есть. Соня любит папу. А Вера... она ни в чём не виновата. Я не могла поступить иначе.

– Всё равно подвиг.

Мы помолчали.

– Спасибо, Вик. Люблю тебя.

– И я тебя. Целую.

Я положила трубку. Чай уже остыл, но я сделала глоток. В голове крутились слова мамы: «Кукушка». Да, наверное, так и есть. Но злости на Катю не было. Только отчаяние и предчувствие надвигающего краха. Не знаю, почему, но я явно ощутила приближение чего-то страшного. Я чувствовала, смерть Алии для меня открыла ящик Пандоры.

За окном загудела машина. Посмотрела – не наша. Одиннадцать вечера. Максима всё ещё не было.

Я допила чай, вымыла чашку и пошла в спальню. Легла, выключила свет. Но сон не шёл. Всё думала об Алие и о Кате. Которая, позвонив, даже не спросила о дочери.

В половине двенадцатого услышала, как хлопнула входная дверь. Максим вернулся.

ГЛАВА 7

Я притворилась спящей, когда Максим тихо приоткрыл дверь спальни. Через щёлочку век видела, как он постоял несколько секунд, потом осторожно закрыл дверь и пошёл в ванную. Послышался шум воды.

Не знаю, что меня толкнуло. Может, утренний разговор с Всеволодом о проверках. Может, странное предчувствие, которое не отпускало весь вечер. Я встала, босиком прошла в прихожую.

Пиджак Максима висел на вешалке. Сердце забилося чаще. Я протянула руку к карману, замерла. Что я делаю? Это же недоверие, та самая проверка, о которой говорил Всеволод...

Но рука сама скользнула в карман. Пальцы нащупали сложенный листок бумаги. Я вытащила его, развернула.

«Буду ждать звонка. Анна». И номер телефона. Почерк округлый, с завитушками.

Мир качнулся. В ушах зашумело. Анна. Кто такая Анна?

Я перечитала записку ещё раз, будто надеясь, что слова изменятся. Но нет – всё те же четыре слова. Буду жать звонка. Анна. И номер.

Руки дрожали. Я сложила записку, засунула обратно в карман. Прислонилась к стене, пытаюсь успокоить дыхание.

Может, это клиентка? Та самая, из Питера? Но зачем тогда просто «Анна»? Не «Анна Ивановна», например, или хотя бы фамилия? И почему записка, а не визитка?

Шум воды в ванной прекратился. Я метнулась обратно в спальню, юркнула под одеяло. Закрывает глаза, стараясь дышать ровно.

Максим вышел из ванной, пахло его гелем для душа. Осторожно лёг рядом, стараясь не потревожить меня. Я чувствовала, как прогнулся матрас под его весом.

– Лен? – прошептал он. – Ты спишь?

Я не ответила, продолжая делать вид, что сплю.

Он вздохнул, повернулся на другой бок. Через несколько минут дыхание его стало ровным – заснул.

А я лежала с открытыми глазами в темноте. Анна. Кто ты такая, Анна?

Может, я параноик? Может, действительно клиентка? И ведь не спросишь его прямо. Максим может обидеться, что я лазаю в его карман.

Нет. Стоп. Я не буду себя накручивать. Завтра спокойно спрошу про клиента, кто такой, как зовут. Это будет выглядеть естественно.

Но сон так и не пришёл. Я лежала, слушала дыхание Максима и думала об Анне с красивым почерком.

Утром проснулась разбитая. Максим уже встал, слышала, как он возится на кухне. Посмотрела на часы – половина седьмого.

Встала, умылась холодной водой. В зеркале – бледное лицо с тёмными кругами под глазами. Прекрасно. Именно так должна выглядеть женщина, которая «простила и отпустила».

Вышла в кухню. Максим стоял у плиты, жарил яичницу. Обернулся, улыбнулся:

– Доброе утро! Что-то ты бледная. Не выпалась?

– Да, долго не могла заснуть, – я села за стол. – Как прошла встреча с клиентом? Кто он?

– Вчерашний клиент оказался очень перспективным, богатый бизнесмен, хочет переехать из Питера в Москву, – сказал он, переворачивая яйца. – Будет покупать не один дом, а два. Один для себя и своей жены, другой для своего сына с невесткой и внуками.

– Здорово. – А налила себе чаю. – А как его зовут?

– Андрей Петрович Мальцев, – Максим поставил передо мной тарелку. – Строительный магнат из Питера. Слышала о таком?

Андрей Петрович. Не Анна.

– Нет, не слышала.

– Он с женой приехал, кстати. Молодая, гораздо младше него, Анна Сергеевна. Видимо, не первый брак у него. Ему лет шестьдесят, ей на вид тридцать – тридцать пять.

Вот оно. Анна.

– И она тоже смотрела участок? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

– Да, конечно. Она очень дотошная, каждую мелочь выпрашивала. Бассейн, сауна, спа. В общем, все тридцать три удовольствия ей нужны в доме.

– Я наконец машину забрала вчера, – сказала я, меняя тему. – Теперь сама буду отвозить и забирать девочек.

– Отлично. Я тогда пораньше в офис поеду, надо документы по вчерашним домам готовить. Они согласились их купить.

Я разбудила девочек, начались обычные утренние сборы. Вера капризничала, не хотела надевать колготки, Соня потеряла тетрадь по русскому и искала её по всей комнате.

Обычное утро. Обычная семья. Только в кармане пиджака мужа лежит записка от Анны, и я не могу перестать об этом думать.

В машине везла девочек в школу и садик. Соня болтала о предстоящей экскурсии в музей, Вера пела песенку.

– Мама, а почему ты грустная? – вдруг спросила Соня, глядя на меня в зеркало заднего вида.

– Я не грустная, солнышко. Просто задумалась.

– А о чём?

– О работе. У нас скоро концерт, надо много репетировать.

– А можно, мы придём на концерт? – оживилась Соня. – Посмотрим, как твои ученики выступают?

– Конечно, можно. Я вам места в первом ряду бронирую.

Поцеловала и высадила Соню у школы, потом отвезла Веру в садик. Она обняла меня на прощание:

– Мама, не грусти! Хочешь, я тебе вечером ещё один рисунок нарисую? Про счастье?

– Хочу, – я поцеловала её в лобик. – Нарисуй мне счастье, малышка.

Приехала в музыкальную школу за пятнадцать минут до первого урока. В учительской встретила Всеволода – он пил кофе у окна.

– Доброе утро, Елена. Как вы?

– Хорошо. – Я отвела взгляд, взяла документы и направилась к выходу из учительской.

– Елена, – он окликнул меня у двери. – Помните. Вы всегда можете поговорить со мной. Я кивнула и пошла в свой класс. Во время обеденного перерыва позвонила мама.

– Лена, доченька, у меня новости, – голос её звучал необычно взволнованно.

– Что случилось, мам?

– Ничего плохого! Наоборот. Мы с папой сейчас у нотариуса. Оформляем дарственную.

– Дарственную? На что?

– На всё, Лена. Агентство, дачу, квартиру. На тебя и Вику в равных долях.

Я опустила на стул:

– Мам, зачем? Вы же ещё молодые, вам только шестьдесят два!

– Знаешь, после того инфаркта два года назад... и теперь смерть Алии... Мы с папой поговорили. Хотим отойти от дел, пожить для себя. На даче, спокойно. А агентством пусть Максим управляет. Особенно после сегодняшней сделки – он позвонил нам утром, рассказал. Два дома за городом, общая сумма больше тридцати миллионов! Мы с папой поняли: он справится. Бизнес в надёжных руках.

– Но мам...

– Никаких «но», Лена. Решение принято. Вы с Викой будете собственниками, а Максим генеральным директором. Ему положена доля от прибыли, конечно. Всё честно будет.

– А Максим знает?

– Пока нет. Сюрприз будет. Завтра все документы будут готовы, соберёмся, отпразднуем.

После разговора я долго сидела в кабинете, переваривая новость. Агентство теперь наше с Викой. А управлять будет Максим. Который носит в кармане записки от Анны.

Я тряхнула головой. Хватит. Анна – жена клиента. Может, у неё не было на тот момент визитки.

После обеда зашёл Всеволод.

– Елена, не хотите пообедать вместе? В соседнем кафе отличные бизнес-ланчи.

Я хотела отказаться, но вдруг поняла, что не хочу оставаться одна со своими мыслями.

– Хорошо. Через пятнадцать минут?

– Отлично.

В кафе мы сели у окна. Заказали – я салат и чай, он пасту и кофе.

– Как прошло утро? – спросил Всеволод.

– Нормально. Родители решили подарить мне и сестре агентство. Отходят от дел.

– Серьёзный подарок.

– Да. Управлять будет муж. Он хорошо разбирается в бизнесе.

– А вы? Будете участвовать в управлении?

– Нет. У меня своя работа, которую я люблю. Музыка – это моё.

Принесли заказ. Мы ели, говорили о музыке, о предстоящем концерте. Всеволод рассказывал о своих учениках, о новой программе по гитаре, которую хочет ввести.

– А ваш пасынок? Он музыкой занимается? – спросила я.

– Пытался учить на гитаре, но не пошло. Зато футболом увлекается. В секцию ходит, тренер хвалит.

– Мои девочки тоже пока к музыке интереса не проявляют. Соня больше рисованием увлекается, а Вера... она ещё маленькая, ей всё интересно.

– Время покажет. Главное – не заставлять их заниматься тем, к чему душа не лежит.

Мы закончили обед, Всеволод настоял, что заплатит:

– Вы вчера душу мне излили, это меньшее, что я могу сделать.

По дороге обратно он вдруг сказал:

– Елена, можно личный вопрос? Вы можете не отвечать.

– Спрашивайте.

– Вы сегодня какая-то... напряжённая. Вчера после нашего разговора, казалось, вам полегчало. А сегодня снова тревога в глазах.

Я остановилась. Рассказать? Но что? Что нашла записку в кармане мужа? Что подозреваю его в новой измене? На основании чего – четырёх слов на бумажке?

– Просто накопилась усталость, – сказала я наконец. – Конец учебного года, смерть Алии... Многовато всего сразу.

Всеволод кивнул, но я видела – не поверил. Впрочем, настаивать не стал. Мы вернулись в школу и разошлись по своим кабинетам.

ГЛАВА 8

Вечером забрала девочек. Вера действительно нарисовала мне «счастье» – домик, вокруг цветы и пять человеческих фигурок держатся за руки. Папа, мама, две девочки и... ещё кто-то маленький.

– А это кто? – спросила я, показывая на пятую фигурку.

– Это братик! – радостно объявила Вера. – Я хочу братика! Соня сказала, что надо попросить у родителей, и они купят!

Я рассмеялась – первый раз за день искренне:

– Братиков не покупают, солнышко. Но спасибо за рисунок. Он правда про счастье.

Дома готовила ужин, помогала Соне с уроками, играла с Верой. Обычный вечер. Только мысли всё время возвращались к записке.

Максим пришёл в восемь. Весёлый, с тортом и цветами.

– Для моих любимых девочек! – объявил он с порога.

Розы были красивые, свежие. Девочки взвизгнули от восторга.

– А почему цветы? – спросила я, ставя их в вазу.

– А почему бы и нет? – Максим обнял меня сзади. – Просто захотелось порадовать. День удачный был. Малышвы купили оба дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.